

Сотникова Юлия Николаевна

Sotnikova Yuliya Nikolaevna

соискатель кафедры социальной философии
и этнологии
Северо-Кавказского федерального университета

External PhD student,
Department of Social Philosophy and Ethnology,
North Caucasus Federal University

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

RUSSIAN PUBLIC SENSE OF JUSTICE IN THE CONTEXT OF IDEOLOGICAL PLURALISM (SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT)

Аннотация:

В статье рассматривается сложившаяся в мире и российском обществе ситуация идеологического плюрализма, вызывающая негативные для стабильного и преемственного социального развития трансформации общественного сознания, в частности – правосознания как его неотъемлемого элемента. Актуальность статьи обусловлена необходимостью разработки практических рекомендаций по упорядочиванию существующих идеологий, способствующему предотвращению возможных их деструктивных влияний на общество. В качестве оптимального средства для нормализации идеологической жизни предлагается организация диалога между представителями основных идеологий, целью которого должно стать достижение консенсуса по культурным и нравственным вопросам. Как полагает автор, способствовать успеху такого диалога могут некоторые представленные в работе мероприятия, призванные повысить уровень российского общественного правосознания, от которого зависит внутренняя готовность участников диалога к согласованному решению общих проблем. Научная новизна предложенного подхода состоит в рассмотрении общественного правосознания в качестве сохраняющего преемственность в социально-историческом времени феномена, посредством которого осуществляется живая связь между государственно-правовой системой и общественными идеологиями, а также в осмыслении высокого уровня общественного правосознания как предпосылки для диалога по поводу общих идеологических предпочтений.

Ключевые слова:

идеология, идеологический плюрализм, общественное сознание, общественное правосознание, диалог, традиционные религии, квазирелигии, идеологический консенсус.

Summary:

Nowadays, the world and Russian society faces the situation of ideological pluralism which causes negative transformations of public consciousness and public sense of justice as its integral element from the standpoint of the stable and successive social development. The relevance of the research is determined by the need to produce recommendations for streamlining current ideologies that can prevent their possible destructive effects on society. A dialogue among representatives of the main ideologies is the best way to harmonize ideological life. It should help achieve a consensus on cultural and moral issues. The author believes that such a dialogue can be successful thanks to several measures designed to raise the level of Russian public sense of justice. This is a matter of the internal readiness of the parties to the dialogue to agree on solutions to common problems. The scientific novelty of the approach proposed is to consider the public sense of justice as a phenomenon that provides the social and historical continuity and ensures the relationship between the state legal system and public ideologies. Besides, this approach should help realize the high level of the public sense of justice as a prerequisite for the discussion about common ideological preferences.

Keywords:

ideology, ideological pluralism, public consciousness, public sense of justice, dialogue, traditional religions, quasi-religions, ideological consensus.

Актуальность статьи обуславливается необходимостью теоретического осмысления феномена идеологического плюрализма и разработки практических рекомендаций по упорядочиванию существующих идеологий, способствующему предотвращению возможных их деструктивных влияний на общество. Предметом исследования является российское общественное правосознание. Цель работы состоит в том, чтобы, во-первых, обосновать в качестве оптимального средства для преодоления идеологического хаоса диалог между представителями существующих в России неидеологических идеологий, результатом которого может стать консенсус в определении общих нравственных и культурных ценностей, и, во-вторых, аргументировать тезис о том, что повышение уровня правосознания в обществе является необходимой предпосылкой организации такого диалога. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач: выявить особенности ситуации идеологического плюрализма, определить основные составляющие российского идеологического поля, уточнить взаимосвязь идеологий и общественного правосознания и выра-

ботать рекомендации по повышению уровня последнего. Научная новизна статьи состоит в рассмотрении общественного правосознания в качестве феномена, посредством которого осуществляется органическая взаимосвязь между конкретной государственно-правовой системой и общественными идеологиями, а также в осмыслении высокого уровня общественного правосознания как предпосылки для диалога по поводу общих идеологических предпочтений.

Современное российское общество характеризуется множественностью функционирующих в нем идеологий, что является общим мировым трендом, окончательно сформировавшимся в конце XX – начале XXI в. вследствие интенсификации глобализационных процессов. Казалось бы, такая ситуация должна быть для него нормальной, если принять во внимание, что в Конституции Российской Федерации – Основном Законе, которому не должно противоречить позитивное право, – признаются идеологическое многообразие (ст. 13), равенство религиозных объединений перед законом и их отделение от государства (ст. 14), гарантируются свободы совести и вероисповедания (ст. 28) [1].

Однако ситуация идеологического плюрализма в российском обществе не воспринимается как нормальная, о чем свидетельствуют многочисленные политические заявления, публикации, тематические конференции, призывающие определиться с «единой государственной идеологией», без которой невозможна солидаризация народа [2]. Но многочисленные дискуссии не дают ответа на вопрос: если выбрать в качестве государственной одну идеологию из многих, то что делать с остальными? Не будет ли такой выбор способствовать усилению тоталитарной тенденции в российском обществе? Вместе с тем наличие множества мировоззренческих позиций в современной России, а значит, и идеологий, которые являются необходимыми функциональными сторонами конкретных мировоззрений, – объективная данность, и с ней необходимо считаться. Нельзя не согласиться с тем, что «политико-правовая идеология в современной России (если вообще можно говорить о таковой как целостном феномене. – Ю. С.) характеризуется эклектицизмом, поскольку она является наследницей целого ряда предшествующих идеологий и нынешних модернизаций» [3].

Как представляется, в создавшихся условиях во избежание возможных идеологических конфликтов правильным будет соблюдать крайнюю политическую осторожность, поэтому борьбу с идеологическим хаосом совсем не следует начинать с изменения Конституции, что может резко дестабилизировать ситуацию. Но и полностью игнорировать общественные риски идеологического плюрализма нельзя. Требуются, во-первых, грамотная политика, имеющая целью устранение (в судебном порядке, с использованием положений действующего законодательства) из идеологического пространства деструктивных идеологий, разрушающих основания общественной жизни, и, во-вторых, организация площадок для проведения диалогов, целью которых должно достижение общенационального идеологического консенсуса по вопросам культуры и нравственности, без акцента на мировоззренческом согласии.

В российское идеологическое поле входит множество составляющих, и все они не могут быть учтены при организации диалога между носителями идеологий. Исходя из этого следует выделить наиболее важные для России мировоззрения и идеологии – как традиционные, так и новые. Прежде всего такими являются традиционные российские религии – православие, ислам, иудаизм, буддизм, исторически сформировавшие особенные мировоззрения и соответствующие им идеологии. Их значимость в современной общественной жизни не нужно преувеличивать (поскольку «религиозное возрождение» в России, как и в мире в целом, больше затрагивает чувственную или культурную сторону религий, оставляя почти без внимания их этику, тем более онтологию и гносеологию), но все же она немалая и требует надлежащего учета. Нельзя не согласиться с Л.Н. Митрохиным в том, что «кажущийся очевидным религиозный вектор общего сдвига массового сознания оказывается далеко не однозначным и прямолинейным. Он часто затрагивает лишь “верхний” пласт общественного сознания, настойчиво рекламируемый средствами массовой информации, а вовсе не акты подлинного “обращения” в религию...» [4, с. 31]. И Россия, и мир за столетие интенсивно нарастающих секуляризационных процессов сильно изменились, и это отражается на состоянии общественного сознания, в частности на уровне его религиозности [5]. Если проводить сравнение с дореволюционным временем, то мы увидим: традиционные российские религиозные идеологии изменились и продолжают изменяться внутренне, что обусловлено как социальными трансформациями под влиянием секуляризационных процессов, так и динамикой общественного сознания. (Сами религии, разумеется, другими не стали, если акцентировать внимание на их вероисповедных основаниях. Модифицировались формы и способы их самопрезентации миру и функционирования в нем.)

В то же время в идеологическом поле российского общественного сознания остается активной советская идеология. Причем она, как и традиционно-религиозные идеологии, вынуждена существовать на общем фоне либеральных идей, критикуемых сегодня, но при этом остающихся доминирующим основанием общественных отношений во всех областях социальной жизни.

К этим трем основным и тесно переплетенным между собой идеологическим трендам российского общественного сознания (традиционный, советский и либеральный) следует добавить стремительно развивающиеся с 1990-х гг. квазирелигии, исповедуемые интенсивно растущим количеством адептов псевдобиблейских, псевдоориенталистских тоталитарных сект, а также сект, вообще не ориентирующихся ни на какую религиозную традицию, только на фантазии собственных харизматических гуру (как правило, именно этот сектантский хаос порождает деструктивные для общества феномены, требующие незамедлительного преодоления).

Все вышеперечисленное делает очень сложными, если вообще возможными, адекватный анализ сложившейся в России ситуации идеологического плюрализма, оценку перспектив ее развития и своевременное реагирование на возникающие социальные угрозы. Это не означает, что власти должны отстраниться от идеологических проблем, скорее, наоборот, – оказывать им должное внимание, но, что важно, привлекать для формирования комплекса мероприятий, стабилизирующих идеологический хаос, представителей всех сторон мировоззренческого диалога, заинтересованных в идеологическом консенсусе. Результатом такого консенсуса может быть, конечно, не гипотетическая, обязательная для всех «государственная идеология», а комплекс документов, отражающих как идеологические приоритеты большинства россиян, так и представления руководящей элиты о смыслах собственного существования, о целях политической деятельности, о ценностях, необходимых для достижения этих целей (причем этот комплекс должен не только быть декларативным, но и иметь нормирующий нравственный и правовой характер).

Итак, определение возможных участников диалога не будет представлять большой практической сложности. Однако, на наш взгляд, для его реализации необходимо соблюдение важной предпосылки, а именно – внутренней готовности представителей различных идеологий к обсуждению общих проблем, ведь консенсус всегда предполагает некоторое отступление от собственных категорических позиций. Поэтому способствовать созданию условий для проведения диалога поможет повышение уровня общественного правосознания, которое понимается нами как необходимая составляющая общественного сознания, не только выражающаяся в форме конкретной предметной системы отношений представителей общности к позитивному праву, но и обуславливающая их творческую деятельность по совершенствованию правового поля, тесно связанного с конкретно-исторической нравственной системой. Между правосознанием и идеологией существует тесная взаимная связь: трансформации идеологических представлений оказывают существенное влияние на уровень конкретного общественного правосознания, причем динамика последнего определяется таким критерием, как соответствие государственных институтов и правовой системы вполне определенным представлениям об их смысловом назначении: чем больше это соответствие, тем выше уровень правосознания, и наоборот. (Не менее важным критерием является возможность (или ее отсутствие) творчески-активной личности совершенствовать позитивное право, зависящая от степени развития соответствующих социальных механизмов.) Вместе с тем наличие в обществе правосознания высокого уровня можно полагать в качестве действенного фактора мировоззренческой стабилизации [6], т. е. правосознание является тем «живым» посредником между государственно-правовой системой и общественной идеологией, при нормальном соотношении которых происходит взаимовыгодное для них совершенствование.

Однако подобным образом дело обстоит в моноидеологическом пространстве. В ситуации же идеологического плюрализма, который сегодня есть объективная данность, причем не только для России, общественное правосознание с необходимостью должно стать «сверхидеологическим», возвыситься над многими конкретными функционирующими в обществе идеологиями. Возможен ли такой вариант, если исходить из тезиса об идеологической обусловленности правосознания? На наш взгляд, да, причем правосознанию каждой конкретной личности при этом совсем не обязательно терять связь с «собственной» идеологией. Оставаясь в рамках своих мировоззренческих принципов, личность вполне может сочетать присущие ей идеологические представления и общие для всех идеологические принципы, формируемые посредством идеологического консенсуса, о котором было сказано выше. Отметим, что речь здесь идет совсем не о смешении многих идеологий в сознании конкретной личности, тем более не о приведении всех идеологий к «единому знаменателю», что есть уже тоталитаризм. Имеется в виду сохранение личностью собственной идеологии (традиционно-религиозной, коммунистической, сциентистской, агностицистской и пр.) при одновременном возвышении ее до понимания общей для всех необходимости государства и права, институты которых, что важно, эта личность при желании имеет возможность совершенствовать.

Итак, высокий уровень общественного правосознания теоретически может стать эффективным инструментом преодоления «идеологического кризиса», причем такого преодоления, при котором недеструктивные для общества идеологии продолжают функционировать, обеспечивая тем самым сохранение уровня правосознания. (Попытка формулирования «единой государственной идеологии», на наш взгляд, приведет к дестабилизации ситуации и нарастанию идеологических противоречий.) Исходя из этого, основными направлениями практической деятельности государственных институтов, политических, общественных, религиозных объединений, имеющей целью повышение уровня общественного правосознания, должны стать:

1) контроль состояния правового менталитета, который, являясь частью российского метаэтнического менталитета, всегда сохраняет устойчивую связь с традиционными правовыми стереотипами; его поступательное развитие, диктуемое социальными изменениями, но не выходящее за рамки исторически сформировавшегося «ядра» константных правовых представлений. Следует учитывать, что недостаточное влияние общественного правового менталитета на сознательную деятельность личности ведет к формированию и развитию у нее правового нигилизма, преуменьшать деструктивное воздействие которого на общество не стоит: «Существующие в российском обществе нарушения прав человека во многом детерминированы именно правовым нигилизмом, неверием в торжество закона. Причем... этим недугом страдают как многие простые граждане, считающие, что все правители плохие, а все законы направлены не во благо, а во вред каждому отдельному человеку, так и многие власть предержащие, уверенные в том, что для них-то исполнение этих законов – неважно, плохих или хороших, – совсем не обязательно, так как они лучше законодателя владеют обстановкой, знают ситуацию изнутри и самим провидением предназначены для того, чтобы творить для народа благо» [7, с. 80];

2) экспертиза законодательных инноваций на предмет терминологического и понятийного соответствия вводимых норм уже существующему и апробированному смысловому контексту положительного права. Эта мера по повышению уровня общественного правосознания, на первый взгляд сугубо формальная, все же является содержательно емкой, если вспомнить о том, что за неологизмами и их дефинициями всегда следует определенный контекст, представляющий собой целостные юридические концепции, основанные на определенном мировидении, далеко не всегда согласующемся с представлениями, исторически выработанными в российском общественном сознании;

3) тщательная экспертная проверка новых и/или нетрадиционных для российского общества религиозных движений, вносящих определенные мировоззренческие изменения в общественное сознание; постоянное наблюдение за состоянием идеологического поля и исключение из него деструктивных элементов; взаимодействие с общественно-политическими и религиозными (как традиционными, так и недеструктивными новыми и/или нетрадиционными) организациями, имеющее целью корректировку законодательства в соответствии с распространенными в России основными идеологическими представлениями;

4) недопущение перехода отдельных нравственных норм в сферу правовых отношений, поскольку делегирование нравственного нормирования положительному праву означает рост тоталитаризации общества, при котором уровень правосознания будет неминуемо уменьшаться; проведение мероприятий по укреплению в общественном сознании представлений о значимости нравственности в регулировании социальной жизни; распространение действия нравственной сферы на государственные и правовые институты. Нужно признать, что вышеупомянутый правовой нигилизм, встречающийся у некоторых представителей российской элиты и обуславливающий их пренебрежительное отношение к законодательству, для нравственности не оставляет места вообще. Однако следует помнить, что «для России традиционно сильно влияние нравственных начал в сфере государственного управления. Это не только было обусловлено престижностью “царевой” (государственной) службы и послужило основой для формирования своеобразного кодекса чести, само состояние всей системы государственности всегда зависит от нравственности ее чиновников», а потому «воспитание и развитие духовно-нравственных основ у чиновника любого ранга на современном этапе развития Российского государства является одной из приоритетных задач. <...> По его поведению и отношению к служебному долгу в общественном сознании формируется отношение во всей государственной власти» [8, с. 24];

5) проведение мероприятий по повышению уровня личностной правовой культуры, формирование и развитие которой находится в прямой зависимости от воспитательно-образовательного процесса. Взаимосвязь правовой культуры и правосознания очевидна, вместе с тем первой сегодня не уделяется должного внимания. Специалисты отмечают у подрастающего поколения тенденцию иррационализации правосознания, которая всегда свойственна молодежи. Однако «на протяжении длительного периода в истории иррациональное начало молодежи в процессе социализации и воспитания подавлялось регулируемыми механизмами социума, так обеспечивалась его стабильность и предсказуемость. Молодежь интегрировалась в общество, оставляя за этой чертой эгоизм, радикализм, максимализм (в той или иной мере присущие молодому поколению во все времена) и, едва ли не самое главное, – практически безграничную свободу. Так исчезала база для иррационализма, алогичности и непредсказуемости. В настоящее время ситуация кардинальным образом изменилась. Социальные процессы изменили свой вектор на прямо противоположный» [9, с. 11]. Важно отметить, что тенденция иррационализации правосознания не ограничивается только молодежным кругом. Через короткий промежуток времени молодежь переходит в стадию зрелости и наполняет все социальные институты, распространяя

воздействие указанной тенденции на общество в целом. Это ведет к деформации общественного правосознания, к утрате социокультурных, прежде всего нравственных, идеалов, в результате чего возникает необходимость переноса «центра тяжести» в процессах регулирования общественных отношений на запретительные юридические нормы, на силу принуждения государства, что является прямым путем к тоталитаризму.

Таким образом, в современной внутренней политике необходимы контроль уровня правосознания в обществе и проведение мероприятий по его повышению. Если исторические политики делали это по большей части интуитивно, то современные политические технологии позволяют осуществлять контроль правосознания и повышение его уровня на высоком профессиональном уровне. Современный государственный деятель должен всегда помнить, что «вне правосознания немыслимо ни создание, ни реализация права. <...> Правопорядок, законность, правотворческий процесс, правовое поведение и т. п. требуют обязательного включения в них структурных элементов правосознания» [10, с. 168]. Для нормального развития и взаимодействия современных институтов государственной власти и гражданского общества необходимо поддерживать в общественном правосознании его творческий момент, способствующий установлению корреляции между нравственной и правовой сферами жизнедеятельности социума, что, в свою очередь, утверждает в общественном сознании представления о справедливости существующего позитивного права. Это позволит, во-первых, избежать дальнейшей тоталитаризации общественной жизни и, во-вторых, повысить уровень правосознания личностей, составляющих российское общество, что может стать как условием успешной реализации реформирования общественной жизни, объективно детерминированного изменяющейся в России и мире социальной ситуацией, так и эффективным инструментом общественных преобразований.

Ссылки:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 16.01.2019).
2. См.: Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017. 312 с.
3. Геращенко А.И., Геращенко И.Г. Политико-правовая идеология в современной России [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis* : междунар. электрон. науч. журн. 2017. № 1. URL: <http://st-hum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-politiko-pravovaya-ideologiya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 16.01.2019).
4. Митрохин Л.Н. Религия и политика в российской исторической традиции // *Религия и политика в посткоммунистической России*. М., 1994. С. 6–32.
5. Нижников С.А., Лагунов А.А. Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Размышления о вере и неверии (продолжение) // *Пространство и время*. 2012. № 4 (10). С. 187–198.
6. Dubber M.D. *The Sense of Justice: Empathy in Law and Punishment*. N. Y., 2006. 206 p.
7. Волков Н.А. Рост правового нигилизма в правосознании и нарушения прав человека: причинно-следственные связи // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2010. № 120. С. 79–86.
8. Вахтеров А.В. Воспитание духовно-нравственных начал в правосознании как основа эффективности государственного управления // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2008. № 1 (32). С. 22–24.
9. Карнаушенко Л.В. Проблема иррационального в правосознании российской молодежи // *Общество и право*. 2016. № 3 (57). С. 8–12.
10. Дербина А.В. К вопросу о правосознании как факторе формирования правовой позиции субъекта правотворчества в современной России // *Ленинградский юридический журнал*. 2011. № 2 (24). С. 164–174.

References:

- Derbina, AV 2011, 'On the Issue of Legal Consciousness as a Factor in the Formation of the Legal Position of the Subject of Law-making in Modern Russia', *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 2 (24), pp. 164-174, (in Russian).
- Dubber, MD 2006, *The Sense of Justice: Empathy in Law and Punishment*, New York, 206 p.
- Gerashchenko, AI & Gerashchenko, IG 2017, 'Political and Legal Ideology in Modern Russia', *Studia Humanitatis*, no. 1, viewed 16 January 2019, <<http://st-hum.ru/content/gerashchenko-ai-gerashchenko-ig-politiko-pravovaya-ideologiya-v-sovremennoy-rossii>>, (in Russian).
- Karnaushenko, LV 2016, 'The Problem of the Irrational in the Legal Consciousness of the Russian Youth', *Obshchestvo i pravo*, no. 3 (57), pp. 8-12, (in Russian).
- Mitrokhin, LN 1994, 'Religion and Politics in the Russian Historical Tradition', *Religiya i politika v postkommunisticheskoy Rossii*, Moscow, pp. 6-32, (in Russian).
- Nizhnikov, SA & Lagunov, AA 2012, 'Phil and Soph: Dialogues about the Eternal and the Transient. Reflections on Faith and Unbelief (Continue)', *Prostranstvo i vremya*, no. 4 (10), pp. 187-198, (in Russian).
- The Constitution of the Russian Federation* 2019, viewed 16 January 2019, <<http://www.constitution.ru/>>, (in Russian).
- The Spiritual and Moral Foundations of the Ideology of Russian Statehood at the Present Stage: materials of All-Russian scientific-practical conf.* 2017, Krasnodar, 312 p., (in Russian).
- Vakhterov, AV 2008, 'Education of Spiritual and Moral Principles in the Legal Consciousness as the Basis of the Effectiveness of Public Administration', *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, no. 1 (32), pp. 22-24, (in Russian).
- Volkov, NA 2010, 'The Growth of Legal Nihilism in Legal Consciousness and Human Rights Violations: Causal Relationships', *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 120, pp. 79-86, (in Russian).